

РИТА ЛУРЬЕ

БЕЙ
ИЛИ
БЕГИ

Рита Лурье

Бей или беги

<https://litres.ru/74213617>

Аннотация

Юная охотница Томасин влюбляется в деспотичного предводителя лагеря выживших.

В постапокалиптическом мире, населённом голодными мертвецами, умение охотиться помогло Томасин уцелеть. Она живёт по принципу: бей или беги, убивай или убьют тебя.

Угодив в ловушку, оставленную другим охотником, Томасин была уверена, что ей конец. Но незнакомец не только пощадил девушку, но и пригласил её присоединиться к своему лагерю. Увы, Томасин куда лучше ладит с оружием, чем с людьми, ведь ей никогда не приходилось жить среди них.

И Томасин оказывается совершенно беспомощной перед своими чувствами к Малькольму, амбициозному лидеру с неоднозначным прошлым.

Содержание

Глава первая.	4
Глава вторая.	27
Глава третья.	48
Глава третья.	59
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Глава первая.

Отец говорил: слушай лес.

Это не было метафорой или фигурой речи. Отец вообще был человеком, максимально далеким от поэзии. Грубый, суровый детина с басовитым, прокуренным голосом не оперировал категориями, хоть сколько-то родственными метафизике.

Когда-то он работал на лесопилке и лишился нескольких пальцев. Он с детства хромал. Его кожа была грубой, как обивка сидений фуры, которую он гонял от края до края страны, пока мир не рухнул. Таким его запомнила Томасин. Им было отведено мало времени вместе, но отец спешил поделиться с девочкой всем, что знал.

Он был охотником и умел слушать лес. Для охотника любой незначительный звук, едва уловимый слухом, содержал в себе массу информации об окружающем мире. Щелчок, шорох или хруст ветки — могли обернуться предупреждением об опасности или призывом к действию. Они вытаскивали наружу первобытные инстинкты звериной сущности, запрятанной глубоко внутри любого, вроде как, цивилизованного человека. Отец культивировал это в Томасин, чутко взращая ее потаенного зверя. Он говорил — иначе тебе не выжить.

Он любил повторять свою примитивную мантру: бей или

беги.

Убивай или убьют тебя.

Каждый охотник легко мог стать мишенью.

Отец словно был создан для нового мироустройства, но все равно сгинул. А Томасин уцелела — щуплая девчонка. Кусачий, бездомный щенок.

Отец вырезал ножом отметки на стволах деревьев, чтобы не потеряться в лесу без чудес современной спутниковой навигации. Он знал, как предсказывать погоду и определять стороны света по мху. Теперь Томасин тоже вырезала отметки, как это прежде делал отец, его ножом, оставшимся ей в наследство. Она вырезала его заветы на полотне собственной памяти. Они всегда спасали ей жизнь.

Слушай лес. Смотри под ноги — учись читать карту созвездий почти не заметных глазу следов. Томасин на ощупь могла отличить вмятину от поступи мелкого хищника от протектора человеческой подошвы. Она не спутала бы живого и мертвого, ведь мертвецы передвигались хаотично, без всякой цели.

Ноги наливались свинцом от усталости, Томасин много часов подряд бродила кругами. Ей наконец удалось напасть на нужный след — судя по частым, спутанным отпечаткам — она вышла к кабаньей тропе. Она рассудила так: кабаны опасны в любое время года, когда движутся всем выводком, но можно положиться на удачу и попробовать напасть на того, кто отобьется от остальных. Она ловко карабкалась по де-

ревьям и могла провести наверху много часов, затаившись, в томительном ожидании. Не издавать ни звука и почти не дышать. Томасин чувствовала себя маленьким, но опасным зверьком. Этот зверек когда-то хвостиком вился за хромоногой поступью отца, а теперь храбро бороздил лесную чащу один. Постоянное недоедание затормозило ее рост, отчего она оставалась все такой же крошечной и юркой.

Отец пропал пять лет назад. Он ушел в лес и не вернулся, но Томасин пока еще везло. Она выходила на охоту, но всегда возвращалась в лагерь. Менялись лагеря, их обитатели, временные убежища, но вылазки девушки являлись некой константой. Диковатая девчонка плохо ладила с товарищами по несчастью, но ее ценили за вклад, привносимый в общее дело. Не каждой шестнадцатилетней девчонке было под силу выследить и завалить в одиночку дикого зверя, имея под рукой только охотничий нож. Спасибо отцу, что обеспечил ее местом в изменившемся мире.

После его исчезновения Томасин находила в охоте отдушину. Охота делала их ближе. Отправляясь в лес, она чувствовала его незримое присутствие. Ей мерещился его голос. Он по-прежнему звучал в ее голове, давая свои бесценные наставления. Отец словно был рядом, призрачно затерявшись среди деревьев, звериных троп и кустарников.

Слушай лес и ветер. Смотри под ноги. Не забывай про запахи и, конечно, про солнце.

Томасин задрала голову, чтобы определить положение небесного светила. Оно еще стояло довольно высоко, но уже кренилось к западу, подсвечивая верхушки сосен амарантовыми отблесками. Девушка задумалась — не лучше ли свернуть операцию и двинуться в лагерь, но отмела эту мысль. Ей не хотелось возвращаться с пустыми руками.

Дела шли скверно, далеко не первая вылазка грозила обернуться разочарованием, оттого Томасин и заупрямилась. Она мало общалась с товарищами по лагерю, но вслушивалась в их разговоры. От них она и услышала, что поблизости обосновалась крупная шайка бандитов — они, скорее всего, и вычистили всю лесную тварь. Говорили, что они хорошо вооружены и многочисленны. Скорее всего, в их рядах хватает сильных, пригодных для охоты мужчин, что и оставили маленькую Артемиду без улова.

Томасин предостерегали, что в лесу она рискует сама попасться бандитам. На это девушка лишь отмахнулась — убежать ей не впервой. Она умела за себя постоять. Пусть для начала попробуют ее поймать! Никто особо не беспокоился за нее, так что не настаивал. Ее товарищи по лагерю выдвинули лишь одно условие: не приведи их сюда. У них давно не осталось патронов, а бойцов, способных оказывать сопротивление, можно было пересчитать по пальцам одной руки. Отцовской, трехпалой.

Иссякли не только скудные боеприпасы, но и просроченные консервы, а Томасин никак не удавалось вернуться с до-

бычей. Поэтому она и решила сегодня охотиться до победного — хоть белка, хоть енот, хоть заяц помогли бы спасти положение. По правде, она боялась, что товарищи разочаруются в ней и прогонят прочь, если она перестанет приносить пользу. Она не искала общества, но признавала — одной ей не выжить.

До заката осталось несколько часов.

Ночью лес сделает все, чтобы убить ее, но Томасин это не пугало. Она уже присмотрела подходящее дерево для ночлега. Наверху безопаснее — там до нее не доберутся ни хищники, водись они здесь, ни мертвецы, ни бандиты. Она умела дремать сидя, устроившись на какой-нибудь широкой ветке, для надежности примотав себя веревкой к стволу. Ей частенько приходилось прибегать к подобной мере, когда очередной лагерь погибал под натиском кровожадной орды мертвецов, а она отправлялась на поиски нового убежища. Треск рвущейся плоти и крики боли не доставляли девушке удовольствия, как и осознание, что не в ее силах повлиять на ситуацию. Она могла справиться с диким зверем, но не с алчущим легионом смердящих тварей.

Увы, усталость и голод брали свое. Веки смыкались против ее воли. Томасин усомнилась, что в таком состоянии способна трезво оценить обстановку. Она воткнула нож в кору, намереваясь начать восхождение, но ее острый слух охотницы уловил неясный шорох. Она медленно повернулась, прищурилась и уловила движение периферийным зрением.

Она задержала дыхание, напрягая уставшие глаза. В паре десятков шагов от нее шелохнулись кусты, и на поляну шагнул молодой олень. Выходит, следы принадлежали ему, а не кабаньему семейству. Удача в кои-то веки ей улыбнулась!

Томасин взяла нож в зубы и присела, аккуратно двигаясь навстречу животному.

Отец не учил ее жестокости, но девушка росла в условиях, отбивших у нее малейшее желание сожалеть о необходимости отнять чью-то жизнь. Олень был красивым. Она, безусловно, оценила его красоту и, отдавая дань некому личному кодексу, мысленно попросила у зверя прощение. Она собиралась убить его не ради забавы. Его смерть продлит чью-то жизнь. Отец говорил об этом, дымя сигаретой, с холодной, почти философской отчужденностью. Так вышло, малышка. Бей или беги. Убивай или умрешь сама.

Олень миролюбиво пощипывал траву, грациозно переступая с ноги на ногу, склонив морду с умными, будто печальными глазами. Томасин отметила не только их, но и огромные, ветвистые рога, венчавшие его макушку, что без труда вспорют ее грудную клетку, как консервную банку. Олень, без сомнения, тоже имел представление о суровых законах выживания. Ей придется быть быстрой, чтобы одержать победу и окропить руки его теплой кровью.

Шаг. Еще шаг. Томасин двигалась неслышно, словно под водой. Она владела своим телом, подавляя даже громкость дыхания. Ветер, заблудившийся в ветвях деревьев, создавал

и то больше шума.

Но в последний момент перед ударом олень вдруг сорвался с места и побежал. Томасин чертыхнулась и, не раздумывая и минуты, ринулась следом. Она не собиралась отпускать добычу. Ее вели инстинкты, и они же сыграли с ней злую шутку. Девушка не сразу поняла, почему мох под подошвами ботинок так странно вибрирует. Мозг забил тревогу, но было слишком поздно.

Земля резко ушла из-под ног, а затем сомкнулась над головой охотницы, поглощая ее в собственное нутро. Томасин взмахнула руками, но лишь оцарапала пальцы о корни на краю глубокой ямы, в которую угодила. Вместе с обрывками мха, ветками, сухой листвой и камнями, она сверзилась вниз. Падение было недолгим, но дискомфорт от столкновения с дном ловушки вполне ощутимым.

Томасин зарычала, вскочила на ноги и подпрыгнула. Ушибленные колени прострелило болью. Рваный квадрат неба над головой все еще был недостижим.

Яма была просторной и глубокой. Маленький рост, всегда игравший на стороне Томасин, впервые обернулся против. Девушка признала — кто-то постарался на славу, обустроив здесь ловушку, даже у высокого человека не было шансов выбраться отсюда без посторонней помощи. От веревки, обвязанной вокруг ее пояса, толку не было. Томасин подавила приступ паники и задумалась, что предпринять дальше.

Темнело. Скоро все окончательно погрузиться во мрак.

Фонарик или зажигалка уже давно были недоступной роскошью, ценившейся в обиходе дороже денег или драгоценных камней. Томасин лишь мечтала когда-нибудь ими обзавестись, а пока обходилась своими силами. Она умела разводить огонь с помощью подручных средств и все же отменяла эту идею — дым и свет могли привлечь к ней ненужное внимание.

Какие у нее шансы пережить эту ночь?

Томасин все основательно взвесила: она могла бы посидеть тут тихо и сберечь силы, чтобы утром предпринять еще одну попытку восхождения по гладким, скользким стенам своей темницы. Ночью температура упадет, но земля согреет ее, если сгруппироваться. Другого плана у девушки не было. Ее никто не станет искать — обитатели лагеря слишком трусливы. Лес опасен, да и граничит с владениями тех бандитов. Ее бывшие товарищи взгрустнут и забудут.

Томасин могла рассчитывать лишь на себя. Яма условно безопасна, если, конечно, ее хозяин не вернется проверить улов, что маловероятно. Эта ловушка могла появиться тут задолго до крушения мира. Возможно, тот, кто ее вырыл, уже давно погиб.

Девушка кивнула своим мыслям — хорошо. Она не позволит этой яме стать ее могилой. Ночлегом — да, но не могилой. Она не привыкла сдаваться.

Томасин спрятала замерзшие пальцы под куртку и приготовилась терпеливо дожидаться рассвета. Ночь будет долгой.

Толстый слой земли приглушал звуки снаружи, но Томасин все равно прислушивалась, пока не погрузилась в поверхностный, тревожный сон. Явление посторонних не заставило себя долго ждать — Томасин пробудилась от шума снаружи. Кто-то вразвалку двигался рядом с ямой, раскидывая повсюду сухую листву. Девушке на голову посыпались ветки, частицы земли и мелкий мусор. Она медленно, по стеночке поднялась на ноги. Сердце суматошно трепыхалось в груди, и Томасин пришлось приказать ему успокоиться. Звук мог обличить ее присутствие.

Но чужака вел не звук, а голод. Отец учил ее слушать, но часто напоминал, что не стоит забывать и о запахах. Они тоже несли в себе массу полезной информации. Создание, что грохнулось в яму, отвратительно пахло — не шерстью и звериным мускусом, а разложением. Гнилостная вонь мгновенно наполнила узкое пространство, вызвав у девушки непроизвольный приступ тошноты и ужаса. Вот ведь везение — очутиться в замкнутом пространстве с беспокойным мертвецом! Она предпочла бы хозяина ямы или, на худой конец... хозяина ямы.

Мертвец на четвереньках пополз вперед, его силуэт был едва различим, и лишь его желтые, фрагментарно сохранившиеся зубы зловеще мелькали во мраке. Челюсть клацнула. Он тоже почувствовал запах. Запах жертвы. Запах страха.

Томасин увернулась от мертвеца и обошла его, чтобы оказаться у него за спиной. Она не понаслышке знала, как труд-

но пробить человеческий череп охотничьим ножом, и нуждалась в пространстве для маневра, чтобы вогнать лезвие в глазницу. Тварь рванулась к ней, но девушка оказалась быстрее. Нож мягко вошел в глазницу, словно в масло, пресекая дальнейшие движения твари. Девушка брезгливо отпихнула мертвеца от себя и выдернула свое единственное оружие.

Она разрешила себе несколько шумных вдохов и выровняла дыхание. Адреналин в крови схлынул, сменившись ликованием, которое Томасин испытывала всегда, отстояв свою жизнь в очередной схватке. Ее посетила гениальная идея — выдернуть у мертвеца длинные кости и использовать их в качестве альпинистских кошек.

Она нагнулась, намереваясь приступить к надругательству над трупом поверженного врага, но застыла, снова различив сторонний звук. Томасин похолодела от ужаса: мертвец был не один. Его товарищи околачивались наверху. Твари часто сбивались в стаи. Девушка могла обезвредить одну, максимум, двух, но не целую орду.

Томасин задрала голову, готовясь к обороне, и зажмурилась от яркого света, ударившего ей в глаза.

Солнце?

Фонарик! — запоздало поняла она. В следующий миг что-то тяжелое приземлилось рядом с дезориентированной, ослепленной девушкой, а потом ее резко оттолкнули к стене и зажали рот.

— Тихо, — шепнул кто-то Томасин на ухо.

Она медленно кивнула. Рука на ее лице была теплой и, без сомнения, принадлежала живому человеку. Но сверху все еще раздавались возня и тихое, невнятное бормотание мертвецов.

Томасин отклонилась назад и прижалась другим ухом к земле, считывая отдающуюся вибрацию шагов. Ее чувства вновь обострились, и она силилась прикинуть количество мертвецов, рыскающих возле ямы. Особей было больше пяти, но девушка могла ошибаться.

Вместе с внезапным товарищем по несчастью они напряженно прислушивались к звукам ночного леса. Незнакомец убрал руку и отступил, лишь когда поступь тварей отдалась. Он чиркнул зажигалкой, и тусклый огонек отразился в лезвии ножа, который Томасин держала занесенным для удара. Испугавшись вспышки света, озарившей лицо незнакомца, девушка едва не всадила лезвие и ему в глаз на чистом инстинкте.

— Не советую, — одними губами произнес он и подбородком указал наверх, — если хочешь отсюда выбраться.

Томасин помотала головой и на пальцах показала предположительное число мертвецов снаружи.

— Восемь, но один куда-то делся, — сказал незнакомец. Девушка кивнула в направлении поверженной твари.

— О, так у тебя уже есть компания.

Томасин шикнула на мужчину, остерегаясь, что он говорит слишком громко. Даже заполучив сомнительного союз-

ника в его лице, она оценивала их общие шансы как неутешительные. Мертвецы не успели уйти далеко и запросто могли вернуться, чтобы рухнуть на их головы вонючим дождем.

Томасин поняла, что яма не такая просторная, как ей показалось сначала. Теперь один угол занимал труп, а другой — они с мужчиной, отчего ей стало неуютно в тесном пространстве. Семеро мертвецов с поверхности явно станут лишними. Хотя, возможно, по их трупам можно будет вскарабкаться наверх.

Но... сколько их собратьев бродит по ночному лесу? Лучше не проверять.

Томасин провела пальцами по губам, изображая застегнутую молнию. Огонек зажигалки дрогнул и потух. Мужчина тихо чертыхнулся. Воспользовавшись темнотой, сомкнувшейся вокруг них, Томасин прошмыгнула под его рукой и убралась подальше, избрав общество поверженного мертвеца. Он внушал ей куда больше доверия, чем ее товарищ по заточению.

Девушка перевернула труп на спину и деловито обшарила карманы его одежды в поисках хоть чего-то полезного. Ничего. В отличие от ее нового соседа, мертвец не мог похвастаться наличием походной экипировки или оружия. А вот у живого имелась с собой зажигалка.

Что еще? — плотоядно задумалась Томасин. Пистолет? Нож? Еда? Патроны? Быстрая ли реакция у этого типа? Успеет ли она прирезать его, чтобы завладеть всеми сокро-

вищами до того, как он прикончит ее саму?

— Ты глухонемая?

Томасин промолчала. Осмотр твари ее разочаровал. Сокрушенно вздохнув, девушка оторвала у мертвеца руку, почти полностью вывалившуюся из сустава, и, прижав ее к груди, устроилась в дальнем углу. Она подумала, что может швырнуть рукой в мужчину и отвлечь его таким маневром, чтобы выиграть себе время.

— Или не говоришь по-английски? — продолжил допрос он.

Рука была склизкой и омерзительно смердела, с нее частично облезла кожа, перемезавшаяся с обрывками рукава. Томасин испытывала отвращение к своему приобретению и все же не спешила с ним расставаться. Оно придавало ей немного уверенности в этой дурацкой ситуации. Ее не пугали ночь и мертвецы снаружи, но настораживало присутствие живого соседа, от которого можно было ожидать чего угодно.

— Habla espanol? — предположил мужчина.

— Нет, — выдавила Томасин.

— А, значит, не глухонемая, — констатировал он. Новый обитатель ямы явно горел желанием завязать разговор. — Зачем тебе эта рука? Что ты собираешься с ней делать? Ты из тех психов, что жрут человечину? Ты знаешь, что мертвяков есть нельзя? Станешь такой же, как они.

— Да господи, — не выдержала девушка, — какое тебе

дело? Я просто не люблю молоть языком без причины.

— То, что мы вместе застряли здесь, не сойдет за причину? — полюбопытствовал мужчина, — Как ты здесь оказалась?

Томасин беспомощно зарычала и нервно ударила несчастной рукой по неровному полу рядом с собой.

— Я попала в ловушку, — буркнула она, — разве не очевидно?

— Очевидно. В этом лесу. Ты в курсе, чья это территория?

— Да мне срать! — рывкнула Томасин, — Оставь меня в покое! Я первая заняла эту яму, так что я устанавливаю правила. Не болтать! Ясно?! Вот это главное правило. Или ты хочешь, чтобы они вернулись и нашли нас?

— Ты устанавливаешь правила? — повторил за ней мужчина, — О, а ты мне уже нравишься, маленькая хозяйка ямы.

— А ты мне нет.

Ответом ей был приглушенный смех.

Томасин посидела немного, обиженно сопя, но потом смогла совладать с собой и успокоиться. Она заняла более удобное положение и обратилась в слух, чутко считывая малейший звук или движение в своей темнице. Судя по скрипу кожи — то ли верхней одежды, то ли обуви — ее товарищ тоже устроился на земле, в противоположном углу, куда проникало хоть немного слабого лунного света. Все равно было слишком темно — Томасин различала лишь силуэт и растрепанные, темные пряди волос незнакомца. Она вполне

удовлетворилась осознанием, что он держится от нее на расстоянии и не пытается сократить дистанцию между ними.

Усталость взяла верх. Девушка не заметила, как отключилась, и встрепенулась, разбуженная криком ночной птицы. Как ни странно, ей было тепло, хотя она и вспомнила все обстоятельства, предшествовавшие ее недолгому забвению. Она не на тонкой лежанке в лагере. Она в яме, куда свалилась из-за своей беспечности. В компании какого-то непонятно-го, болтливового типа. И на ней было что-то теплое, смутно похожее на тонкое одеяло. Да что толку, если ее конечности все равно одеревенели от холода, а спину ломило?

Томасин не знала, сколько прошло времени, но, судя по тому, что яму наполнил тревожный предрассветный сумрак, — большая часть ночи. Утренний воздух был стылым и зябким.

Мужчина не спал, а, засунув руки под куртку, наблюдал за ней. Томасин показалось, что его слегка потряхивает от холода, и, опомнившись, она швырнула одеяло обратно ему. Она с опаской относилась к чужим проявлениям доброты в рухнувшем мире. Она не сомневалась, никто не делает ничего просто так, а расплачиваться ей было нечем. И откуда только взялась эта тряпка?

Ответ нашелся сам собой: возле мужчины на земле лежал походный рюкзак. От мыслей о том, что еще может таиться внутри, рот Томасин непроизвольно наполнился слюной. Есть ли там еда? Она не помнила, когда ей довелось

в последний раз набить пустой желудок чем-то более основательным, чем окаменелый шоколадный батончик. Поддавшись минутному порыву, она рванулась вперед и вцепилась в рюкзак замерзшими пальцами, но замерла, наткнувшись на взгляд незнакомца.

Она ждала удара и корила себя за то, что позволила голоду овладеть собой. Она забыла об осторожности и могла расплатиться за это жизнью. Или чем-то другим. Кто его знает, что у этого типа на уме? Хорошие люди в изменившемся мире не выживали. Омертвевшую землю бороздили толпы разномастных сумасшедших, каннибалов, маньяков и насильников.

Наигравшись с Томасин в гляделки, мужчина сам потянулся к рюкзаку, расстегнул его и бросил ей пакет, который она жадно поймала в чумазы руки. Принюхавшись к содержимому, девушка возликовала — пахло мясом. Она недоверчиво покосилась в сторону мужчины.

— О, извини, — хрипло усмехнулся мужчина, — ты же предпочитаешь человечину, а это всего лишь оленина.

— Да что ты заладил? — рассердилась Томасин, — Я не ем людей, — смягчившись, она все же спросила, — откуда оленина?

— Что за глупые вопросы? — притворно обиделся ее собеседник, — Ты разве не за этим шаталась по лесу?

Девушка предпочла оставить его вопрос без ответа и с почти звериным рыком затолкала несколько мясных слайсов в

рот. Она проглотила их, толком не разжевывая, остерегаясь, что незнакомец передумает и отберет у нее пакет. Она तो-ропилась умять, как можно больше. Ей понадобятся силы, а от голода Томасин чувствовала себя совершенно беспомощной и вялой. Еда не принесла утешения, девушка и забыла, о чем ее предостерегал отец. Не набрасываться на пищу после долгого воздержания. Ее замутило и пришлось прерваться. Мужчина очень кстати протянул ей армейскую фляжку. Внутри была вода, чуть затхлая, сладковатая на вкус, но вода.

— Почему ты меня не убил, пока я спала? — опомнилась Томасин, возвращая фляжку хозяину, — Зачем помогаешь?

— От живой тебя будет куда больше пользы, чем от мертвой, — заявил незнакомец.

Томасин напряглась — ей ужасно не понравился его тон, как и подобное заявление, прозвучавшее от того, кто был лучше вооружен и явно превосходил ее в силе и массе. Она выплюнула остатки мяса прямо на пол, бросила пакет мужчине и попятилась к безопасному, неподвижному мертвецу. Ее пальцы сами собой нащупали рукоятку ножа под одеждой.

— Что тебе нужно!? — зашипела Томасин, — Ты хочешь, чтобы я расплатилась с тобой за еду?!

— Чего?

— Я убью тебя! — вспыхнула девушка, — Я не позволю...

— Да перестань, — фыркнул ее собеседник, — о чем ты

вообще? На кой черт ты мне сдалась? Ты омерзительно выглядишь и, кстати говоря, пахнешь не лучше мертвяка. Мне просто нужна твоя помощь, чтобы выбраться отсюда.

— А... — растерянно обронила Томасин, почувствовав себя отчего-то уязвленной. Она прекрасно знала о всяких вещах, что происходят между людьми, пусть и предпочитала не вдаваться в подробности. Однако осознание, что она вызывает отвращение даже у потенциального насильника, внезапно оказалось крайне неприятным. Отвращение. Маленький лесной зверек был гордым. Она сама выбрала свое отшельничество. Захотела бы... Нет.

Томасин прикусила губу. Она запуталась в собственной логике. Прежде ясные, понятные мысли, выстроенные на чистых инстинктах, обернулись лабиринтом позабытых человеческих слабостей и хитрых мотиваций. Она понимала насилие, понимала торги, как и обмен одних благ на другие. Поведение ее товарища по несчастью не вписывалось в доступную Томасин систему координат. Очень, очень странный тип.

— Эй? Что не так? — заинтересовался он, — Извини, если прозвучало грубо, но...

Извини — повторила Томасин про себя непривычное, чужое слово. Еще лучше!

— Сколько тебе лет? — вдруг спросил мужчина, — Как тебя зовут? Ты одна живешь в лесу? Или с кем-то?

— Вовсе не одна! Я живу в лагере, — выпалила Томасин

и испуганно зажала себе рот руками. Ей нельзя было этого говорить — слова вырвались против ее воли. Непонятный порыв, завладевший девушкой, спутал ей все карты. Обычно она не разбрасывалась такими сведениями перед незнакомцами, но ей отчего-то захотелось доказать ему, что она не какая-то дикарка, болтающаяся тут без дела, а... что? Часть чего-то большего? Лагеря, семьи? Как же это жалко! Отец был бы в ужасе от ее поведения.

— Ладно, черт с тобой, — сдался ее собеседник, — как насчет того, чтобы подняться на поверхность?

Девушка кивнула почти с благодарностью — переведя тему, он ее выручил. Она не готова была продолжать разговор, пока не совладает со своими противоречивыми эмоциями. Она уже придумала план отступления: выбраться, убежать в противоположную от лагеря сторону, еще немного поохотиться, а заодно навести порядок в голове. Но перед этим прикончить этого ублюдка. Он, быть может, и не так уж плох, но, кем бы ни был этот человек, ему нельзя знать про лагерь.

— Что надо делать? — спросила она, чтобы отвлечься.

— Я тебя подсажу, а ты должна будешь привязать веревку к дереву и скинуть сюда, — с готовностью ответил мужчина.

— А если я сбегу?

— Тебе лучше этого не делать.

— Почему это? — нахмурилась Томасин.

Она снова проверила покойника, проверяя, не упустила ли чего-то при прошлом осмотре. В тусклом утреннем све-

те он выглядел еще безобразнее — раскуроченное вирусом тело, кожа с лица почти полностью слезла, свисая неопрытыми лоскутами, пасть с кривыми зубами была надорвана по краям в зловещей улыбке. Даже мертвец потешался над уставшей, измученной девчонкой.

Она не понимала, зачем озвучила свое намерение смыться, бросив товарища на произвол судьбы, тем самым совершив очередную фатальную ошибку. Еще бы в открытую сообщила ему о своем намерении прикончить его напоследок, завладев вожаком рюкзаком.

Потому Томасин и не любила разговаривать — недостаток социальных навыков оборачивал любое ее взаимодействие с другими людьми в пытку. Она чувствовала себя глупо и неловко.

— Неважно, — отмахнулся мужчина, помедлив с ответом, — так что?

— Хорошо, я спущу веревку, — зачем-то пообещала Томасин.

Мужчина поднялся на ноги и собрал вещи в рюкзак. Они приступили к делу. По возможности избегая лишних прикосновений, девушка вскарабкалась на сцепленные руки своего товарища и потянулась к далекому квадрату неба. Ей пришлось основательно потрудиться, карабкаясь вверх, и, выбравшись наружу, она долго переводила дыхание, чувствуя тянущую боль в изможденном теле. Подъем дался ей тяжело.

Утренний воздух охлаждал бисеринки пота на коже. Томасин поежилась и прислушалась — лес молчал. Поляну вокруг ямы испещряли бесчисленные следы ног — мертвецы здесь основательно потоптались, будто пытались изображать неуклюжие танцевальные движения. Девушка заключила, что им с соседом по яме сказочно повезло, что больше ни один из монстров не сверзился вниз.

Томасин размотала веревку и обмотала ее вокруг дерева. Ее плохо слушались замерзшие пальцы, потому ей не сразу удалось завязать один из узлов, которым ее научил отец. Над ямой она поколебалась, раздумывая, стоит ли осуществить обещание или все же уйти. В рухнувшем мире обещания утратили прежнюю силу, куда важнее было спасение собственной шкуры.

Но... у этого типа был рюкзак, полный, скорее всего, различных сокровищ, вроде вяленого мяса, зажигалки и одеяла.

Томасин сбросила конец веревки в яму. Она слышала, как мужчина выбирается на поверхность, но предпочитала не смотреть в его сторону, прикидываясь, что оценивает окружающую обстановку. Лес еще спал, хотя где-то вдалеке уже раздавались первые птичьи трели.

— Видишь, — проговорил незнакомец, отряхиваясь от земли после подъема, — можешь быть хорошей девочкой.

Она медленно подняла на него глаза и просканировала оценивающим взглядом. Недавний узник оказался еще молод, хотя и значительно старше Томасин. Она мало интере-

совалась внешними данными окружающих людей, но выпатила детали, заставившие ее насторожиться. Длинные темные волосы и лицо — слишком чистые, одежда без дыр и заплаток. Все обитатели лагетомасин, одиночки или бродяги, с кем девушке доводилось сталкиваться прежде, выглядели совершенно иначе из-за скверных условий проживания. Она легко догадалась, кто мог позволить себе горячую воду и прочие радости прежнего мира, достойную пищу, амуницию и... оружие.

Томасин заметила кобуру с пистолетом, выглядывающую из-под края его кожаной куртки.

К черту рюкзак — решила она, потянувшись к оружию, но опоздала. Незнакомец оказался проворнее, и теперь дуло пистолета было направлено прямо на Томасин.

— Побудешь еще немного хорошей девочкой? — проговорил мужчина совсем другим тоном, холодным и властным, — Покажешь дорогу к вашему лагерю?

Бей или беги. Убивай или убьют тебя — скомандовал отец. Все мысли разом вылетели у Томасин из головы. Остались только инстинкты, придавшие ей сил для рывка. Она попыталась завладеть пистолетом, но тщетно, и все же смогла отвести дуло от себя, чтобы пуля прошла по касательной, лишь слегка оцарапав бок. От оглушительного звука выстрела заложило уши. На мгновение девушка оказалась в прострации. Она не сразу вспомнила про свой нож и замахнулась.

Она полоснула мужчину по лицу, чуть-чуть промазав мимо глаза, и бросилась бежать, зажимая свежую рану руками. Нанесенный удар выиграл Томасин немного времени. Большого и не нужно — крошечный рост и поджарое тело охотницы вспомнили все, чему она научилась за годы борьбы за жизнь.

Томасин бежала, пока не кончилось дыхание и не закололо в боку. Она замерла, прислушиваясь: лес застыл, дожидаясь рассвета. Было тихо. Ей удалось оторваться.

Она прислонилась плечом к стволу дерева и закрыла глаза, собираясь с силами. Ей нужно сделать еще один рывок, добраться до лагеря, предупредить остальных, но сначала запутать следы. К несчастью, в этом уже не было необходимости.

Томасин сделала несколько кругов по лесу, прежде чем идти в убежище, но на подступах к старой ферме, где обосновались ее товарищи, ее ждал неприятный сюрприз. Глубокие рытвины, оставленные бессчетными парами ног, беспорядочных, словно кружащихся в зловещем танце, мертвецов, вели от леса к дыре в заборе.

Она опоздала.

Глава вторая.

Томасин резко пришла в сознание и бегло оценила обстановку: звуки, запахи, сенсорные ощущения и сигналы в теле. Она помнила, что предшествовало ее отключке, по сути, ничего хорошего.

Она вернулась в лагерь и обнаружила следы вторжения мертвецов. Соваться внутрь фермы было рискованно, оттого девушка сразу отмела эту идею и придумала другой план: двигаться опушкой леса на запад, где располагался родник, к которому они ходили за водой. Она потеряла бутылку, заменявшую ей походную фляжку, видимо, свалившись в яму. Ей нужна была вода, чтобы промыть рану и избежать скоропостижной и, скорее всего, крайне мучительной смерти от сепсиса. Стоило осмотреть и прикинуть ущерб — лезть в рану грязными руками было чистым самоубийством. Ткань напилалась кровью и прилипла к коже, хотелось поскорее ее отодрать.

Мысленно простившись с недавними соседями по лагерю, Томасин двинулась в направлении ключа, но вскоре у нее поднялась температура. В бреду ей мерещился отец — он держался поодаль, его массивная, чуть горбатая фигура то и дело маячила за стволами деревьев. А потом девушка отключилась, признав, что проиграла это сражение, а пропавший родитель явился, чтобы забрать ее к себе.

Но нет, она была жива и лежала на чем-то мягком, сухом и теплом. А чужие руки задирали верхнюю часть ее одежды и невесомо порхали над кожей.

Томасин зарычала, мазнула пальцами, так и не наткнувшись на свой ненаглядный нож. Она открыла глаза и уперлась взглядом в рослого, худощавого мужчину с мягкими чертами лица. Почти наголо бритый череп покрывала поросль светлых волос. Незнакомец шикнул на нее из-за возни.

— Не дергайся, — приказал человек, судя по голосу, все-таки оказавшийся женщиной. Томасин обманулась мужской одеждой, короткими волосами и повадками незнакомки. Ей уже встречались подобные особи — сделавшие разумный вывод, что быть мужчиной в изменившемся мире куда безопаснее. Томасин и сама коротко стригла волосы, но обрить их полностью не решалась, страшно было пораниться и занести какую-нибудь инфекцию. Да и парикмахерским ухищрениям отец ее не учил.

Пока незнакомка осматривала ее рану и накладывала бинты, Томасин лежала неподвижно, задержав дыхание, и озиралась по сторонам. Она лежала на узкой койке, замотанная в какие-то тряпки и одеяло, поразительно чистые и приятные на ощупь. Комната была маленькой, с крошечным, зарешеченным окошком под потолком, и напоминала не то тюремную камеру, не то палату в лечебнице. Девушка имела о них смутное представление, но, по рассказам отца и других выживших, рисовала себе именно так. Голые стены, койка,

стол и умывальник в углу. Весьма аскетично.

— Порядок, — тем временем заключила мужеподобная женщина, одернула на Томасин футболку, чужую футболку, и набросила одеяло обратно.

— Где я? — начала Томасин, но голос плохо слушался, пришлось сначала откашляться, чтобы прочистить горло, — Кто вы? Что это за место?

— Вопросы будешь задавать не мне, — отмахнулась незнакомка, — а своему хозяину.

Она странно скривилась, произнесла последнее слово. Томасин, имеющая расплывчатые впечатления о всяких социальных ритуалах, не поняла, как трактовать эту гримасу. Но слово ей совсем не понравилось. Она привыкла быть свободной и не планировала обзаводиться «хозяином».

Бритая женщина уже было собиралась уйти, но Томасин ухватила ее за руку. Без ножа она чувствовала себя неудобно, но отсутствие оружия не лишило ее прежней жажды жизни и бойкости характера. Ей нужны были ответы, не когда-то потом, а прямо сейчас. Она готова была царапаться, кусаться и, если надо, вырвать трахею незнакомке голыми руками. Томасин догадывалась, что угодила в серьезный переплет и решила начать операцию по собственному спасению со сбора информации. Так ее учил отец. Так ее научила жизнь в рухнувшем мире. Однажды она попала в такое же, на первый взгляд, комфортное место, но на деле его доброжелательные обитатели оказались каннибалами, от которых девушка еле

унесла ноги. Впрочем, сама виновата — тогда ее не заставили насторожиться гнилые зубы и лихорадочно-блестящие глаза новых знакомых. Теперь она не упускала такие мелочи.

У бритоголовой женщины зубы были нормальными, хоть и крупными и чуть кривоватыми. Но то, что она толковала о каких-то «хозяевах», не сулило Томасин ничего хорошего.

— Ну что еще? — устало выдохнула женщина.

— Что это за место? — повторила свой вопрос Томасин.

Женщина закатила глаза и что-то невнятно пробормотала себе под нос. Как уловил чуткий слух Томасин — в край нецензурное.

— Отвали, — пресекла дальнейшие расспросы незнакомка, — у меня много дел, некогда с тобой трепаться. Я всего лишь врач.

Увы, тело, измученное голодом и недавней потерей крови, слушалось плохо. Так что сильно упорствовать, выбивая ответы, Томасин не могла. Она послушно разжала пальцы, испытав что-то, смутно похожее на благодарность и уважение. Врачи, как и люди с самыми минимальными познаниями в медицине, высоко ценились в изменившемся мире. Томасин не имела морального права вредить такому человеку, если незнакомка, конечно, сказала правду. Но ее рана не болела, была аккуратно обработана и забинтована, так что, вероятно, незнакомка и правда имела представление о том, что делает. В ином случае, Томасин уже была бы мертва от потери крови или заражения.

Женщина ушла, заперев за собой дверь снаружи. Томасин сразу же поднялась с койки и детально осмотрела свою темницу, выискивая хоть какую-то лазейку, что обеспечит ее путем к отступлению. Единственное окошко было слишком маленьким даже для нее — ей не пролезть через решетки, а перепилить их было нечем. Девушка убедилась в этом, изучив каждый угол комнаты на предмет чего-то, пригодного в качестве оружия. И все же стоило рискнуть.

Она подтащила стол поближе к окну, морщась от боли в боку из-за потревоженной раны, и, вскарабкавшись на него, подпрыгнула. Она ухватила за решетку, но не смогла подтянуться из-за сохранившейся в теле слабости. Прежде она легко поднимала собственный вес, карабкаясь по деревьям, крышам зданий и, бывало, даже дорожным знакам. Как-то раз Томасин пришлось переждать шествие толпы мертвецов на скользком от дождя, неустойчивом билборде с названием разрушенного города. Выцветшая надпись — «Ждем вас снова» — в тот момент казалась настоящим издевательством.

Томасин прыгнула обратно на стол, услышав звук открывающейся двери. Она сгруппировалась и подтянула колени к груди, готовясь к броску, если возникнет необходимость вновь бороться за свою жизнь. Пусть на это и уйдут последние силы.

— О, тебе стало лучше.

Девушка узнала этот голос и напряглась еще больше. Ей

тут же пришло в голову, что тот самый мужчина из ямы неотвратимо захочет расквитаться с ней за изувеченное лицо. Обернувшись, она первым делом заметила последствия своего недавнего маневра. Из-под волос мужчины выглядывала повязка, скрывающая глаз и почти половину лица. Но он не спешил осуществлять свою месть, хоть и поймал взгляд пленницы, прикованный к ранению, ей же нанесенному.

— Что вам от меня нужно? — прямо спросила Томасин.

— Сядь, — приказал мужчина, кивнув на койку.

Властные нотки в его голосе резанули слух. Она еще возле ямы поняла, что позволила безобидной болтовне усыпить ее бдительность. В яме он казался просто случайным странником, скрывшимся под землей от мертвецов. Но, вполне возможно, он один был куда опаснее целой орды тварей. Мертвые глупы и предсказуемы, а чего ждать от этого типа Томасин спрогнозировать не могла. Он притащил ее сюда и держал взаперти. Плохое начало, даже учитывая тот факт, что ей не позволили умереть. Она привыкла бороться за выживание, но догадывалась, что некоторые люди могут сделать так, что она сама пожалеет о том, что жива.

Томасин отступила к койке и тяжело опустилась на нее. Старые пружины заунывно скрипнули. Девушка поежилась от этого звука, слишком громкого в тишине комнаты. Она вдруг почувствовала себя совершенно беспомощной, вдалеке от леса, от привычной среды обитания. Там она была охотницей, следопытом, хищным зверьком, путающим следы и

убивающим за еду. Здесь же — лишь маленькой, хилой девочкой, полностью подвластной чужой воле. Момент слабости был недолгим и прошел, оставив после себя неприятное послевкусие.

Бей или беги — повторял отец. Но куда бежать, если кругом стены и решетки? Рей даже в убежищах, имея договоренность с их обитателями, предпочитала проводить по минимуму времени. Она боялась быть загнанной в ловушку. Боялась того, что происходило с ней сейчас.

— Как тебя зовут? Кто ты и откуда? — начал допрос незнакомец. Он держался поодаль, но Томасин все равно было неуютно под прицелом его здорового глаза. Она украдкой задумалась о целостности второго — кто знает, как глубоко вошло ее лезвие, сохранил ли он зрение. Раскаяния она не испытывала. Лишь пыталась понять тяжесть преступления, за которое ей потом придется ответить.

— Томас... Томасин, — выдавила она.

Я никто — подумала она, но не сказала.

Мужчина чуть нахмурился и тут же скривился от боли, которую ему, видимо, причинило напряжение лицевых мышц, разбередившее рану.

Томасин часто слышала от окружающих, что у нее глупое имя. Но она не собиралась объяснять посторонним, что отец всегда хотел сына. Она сама добавила пару букв в свой воображаемый паспорт. Сейчас все письменные принадлежности, бумаги и документы сгинули вместе с цивилизован-

ным, правильным миром. В лагерях к Томасин часто липли клочки, временами самые идиотские. Одна старая женщина называла ее Артемидой, расщедрившись на объяснение: это какая-то там вечно юная богиня охоты. Ту старуху сожрали мертвецы, а все познания о древних богах, сказках и суевериях исчезли из жизни Рей вместе с ней. А ей нравилось иногда такое послушать.

— Окей, — вдруг миролюбиво кивнул мужчина, — меня зовут Малкольм. Я не желаю тебе зла. Поэтому тебе, Томасин, лучше быть более сговорчивой.

— Почему я должна тебе... вам верить? — девушка подумала, что куда разумнее будет быть более уважительной по отношению к тому, кто решает ее судьбу. Хотя бы пока она не придумает план побега.

— Почему бы и нет? — откликнулся Малкольм, — сама посуди: я мог оставить тебя умирать, но забрал сюда. На тебя были потрачены медикаменты, ценность которых, я думаю, ты понимаешь. Ты можешь принести пользу обществу.

— Какую пользу? — недоверчиво спросила Томасин. Она невольно представила всякие гадкие, грязные вещи, что могут сотворить с безвольной пленницей. Не просто так ей отделили отдельную комнату — или камеру? — с койкой и дверью, запирающейся снаружи, а не изнутри. Ее не прельщала такая сомнительная роскошь.

— Я за тобой наблюдал, — поделился Малкольм, отчего девушка еще больше похолодела внутри, — ты хорошо охо-

тишься. Кто тебя научил?

Томасин прикусила губу и помотала головой. Отец не хотел, чтобы она трепалась о нем каждому встречному, каждому мутному, подозрительному, опасному типу. А тип легко считал ее смятение и поморщился.

— Да брось, — осудил он, — мы — не звери. Мы лишь пытаемся построить хоть что-то среди всего этого бардака. Будешь упрямитесь, и я вышвырну тебя наружу — и катись на все четыре стороны. Ваше убежище разорили мертвяки. Соболезную, но никто не уцелел. Долго ты протянешь одна? А когда наступит зима? Здесь у тебя будет еда, лекарства, крыша над головой и защита.

— Отпустите меня! — выпалила Рей. Она больше не могла сдерживать тревогу и гнев. Соблазнительные обещания этого человека лишь усиливали смуту в ее душе. Она ждала: сейчас, сейчас всплывет гадкая, жуткая изнанка, он озвучит цену, которая окажется ей не по карману. Ведь за все нужно платить.

Малкольм убрал волосы с лица и притронулся к повязке. Девушка предположила, что это нервный, рефлекторный жест, которым он скрывает раздражение. Она плохо считывала чужие эмоции, но, сложив это движение с дернувшимся кадыком и поджатыми губами, сделала вывод о крайнем недовольстве собеседника. Она испытывала злое ликование: съел? Она не позволит себя одурачить!

— Сколько тебе лет? — зачем-то спросил мужчина. То-

масин не была готова к этому вопросу, она-то ждала претензий и обвинений. Она выпалила честный ответ:

— Шестнадцать.

— Серьезно? — удивился Малкольм, — Я был уверен, что меньше. Но это ничего не меняет, ты еще совсем ребенок. Прими к сведению: здесь не принято обижать или, еще чего доброго, насиловать детей, если именно это тебя беспокоит. У нас цивилизованное общество, и каждый работает на его благо. Людям нужна еда. Ты могла бы охотиться, раз умеешь это, поделиться своим опытом и познаниями с другими. Но...

Томасин замерла. Ей совсем не нравилось, как логично и здраво звучат его доводы. Она и прежде строила свои отношения с другими выжившими по схожей схеме — делала то, что умела, в обмен на кров и защиту от мертвецов. Она признавала, что не способна полностью отрешиться от людей и обеспечить себя всем необходимым. С отцом бы они справились, если бы он не пропал.

Но в ней росло иррациональное чувство протеста — ей так и хотелось, чтобы этот Малкольм озвучил главный подвох, обесценивающий любые приятные перспективы от сотрудничества с ним и его товарищами. Они же... те самые бандиты, о которых так часто говорили в старом лагере? Их боялись. Должна быть причина.

— Но ты, кажется, не способна жить среди людей, — наконец закончил свою мысль Малкольм, презрительно поджав

губы, — так что можешь проваливать.

Он вытащил что-то из внутреннего кармана куртки и швырнул ей под ноги. Предмет со звоном шлепнулся на металлический пол. Нагнувшись, Томасин опознала в нем свой нож. Она схватила его и любовно прижала к груди.

Малкольм отпер дверь и остановился возле нее, держа ее открытой.

Девушка совсем растерялась — он ее отпускает? Так просто? Слишком похоже на ловушку! Что там, за дверью? Ее скормят мертвецам? Или члены «цивилизованного общества» сами расчленият ее и съедят?

— Нет, — мотнула головой она.

— Нет?

Малкольм снова коснулся своей повязки, но быстро отдернул руку.

— Нет, — тверже повторила Томасин и неожиданно для себя самой сказала, — я хочу остаться.

Ей еще не приходилось жить в таком большом и хорошо обустроенном лагере. Это слово было не совсем применимо для случая, но другого, более подходящего, в арсенале Томасин не нашлось. Она не училась в школе, все познания об окружающем мире, как и том, каким он был прежде, она почерпнула от отца и случайных встречных. Но разница была очевидна. Это место другое. И девушке пришлось по вкусу отличия, когда она мысленно сравнивала его со всем, что

встречалось ей раньше.

Между собой обитатели лагеря называли его — Цитадель, тем самым подчеркивая строгую внутреннюю структуру, организованность и наличие некоторого свода правил, способствующих гармоничному сосуществованию многочисленной группы выживших. Обосновалась Цитадель на территории бывшей тюрьмы — тут Томасин не ошиблась в предположениях, приметив решетки на окне своей — теперь уже окончательно — комнаты.

Тюрьма была неприступной крепостью, во всех смыслах выгодной для выживания в нынешних условиях. Территорию окружал высокий забор, увенчанный смотровыми вышками по периметру. Корпуса, возведенные на скалистом берегу, возвышались над рекой, с другой стороны лежало поле, идеально видимое до самой кромки редкого, смешанного леса. Стену контролировали отряды специально назначенных людей, а караул сменялся несколько раз в сутки. За открытие металлических ворот отвечали дежурные с автоматами наперевес. К огромному огорчению Томасин, покидать территорию без особой необходимости, а главное, без разрешения, было строго-настрого запрещено.

По ее грубой прикидке, в лагере проживало около пяти сотен человек, но она сомневалась в своих навыках счета, да и не имела возможности проверить свои предположения. Выжившие были рассредоточены между тремя корпусами, разделенные родом занятий. Одно здание было отве-

дено под хозяйственные нужды и склад жизненно необходимых предметов. Всю добычу, попадавшую в тюрьму, отвозили туда для описи и сортировки. Припасы хорошо охранялись. К распределению ресурсов были приставлены специальные люди.

Подобная рациональность в подходе к хозяйству впечатлила даже Томасин, максимально далекую от организационных процессов. Лагерь был обустроен с умом, он функционировал с точностью отцовских часов, к несчастью, сгинувших вместе с ним. Но девушке все равно трудно было влиться в общий распорядок и найти свое место в отлаженной схеме.

Жители общины делились на три категории: бойцы, охранявшие периметр и стену; «пищевой блок», заведующий провиантом и импровизированным огородом; и добытчики-охотники, допущенные до вылазок во внешний мир. Томасин определили в последнюю когорту, но одного взгляда на сотоварищей ей хватило, чтобы заключить: ей лучше держаться от них подальше. Если первые две группы производили впечатление вполне цивилизованной публики, последнюю составляли сплошняком отморозки. Неведомо, каким образом руководству вообще удавалось их контролировать. Однако даже эти бандиты уважали местные правила и не инициировали конфликты в стенах убежища. Потому Томасин поселилась отдельно от них, благо, Малкольм милостиво разрешил ей остаться на прежнем месте — в крыле, где

обосновалось небольшое административное звено и приближенные лидера. А лидером, как оказалось, был именно он. Он все это построил и, без сомнения, гордился достигнутыми результатами, являясь грамотным, вдумчивым руководителем.

Его благожелательное отношение вызывало у Томасин искреннее недоумение, ведь именно ее стараниями мужчина обзавелся уродливым, медленно затягивающимся шрамом. Каждый раз, общаясь с Малкольмом, девушка смотрела только на эту отметину, невольно задумываясь об отложенной расплате за свою проделку. Не сказать, что они много общались — мужчина всегда был сильно занят, но он выкраивал время в своем плотном графике для совместных походов на охоту. Только вдвоем. Отправлять Томасин с остальными было опасно, но нашлось и другое объяснение: Малкольм сказал, что ему есть чему у нее поучиться, и кое-какие вещи он хотел бы приберечь только для себя. Ему нравилась охота, она помогала отдохнуть от превратностей бытности руководителем многочисленного сообщества и, как он выразился, прочистить голову. В какой-то степени он даже завидовал достижениям Томасин, превосходившим его успехи. Высокий рост и массивное телосложение делали движения Малкольма чуть неповоротливыми, а поступь тяжелой. Девчонка же, по его словам, будто парила над землей и передвигалась так бесшумно, словно сливалась с лесом воедино. Томасин запомнила эту формулировку, она ей очень понра-

вилась. Прежде никто не хвалил ее таланты и навыки, даже отец. Отец был строг. Ему всегда казалось, что дочь недостаточно хороша. Он осуждал Томасин за суетность и, рассердившись, мог назвать ее «неуклюжей каракатицей» или «пьяной медведицей», дополнив критику крепким ударом трехпалой руки.

В первую общую вылазку Малкольм презентовал своей подопечной арбалет, который до того берег, как трофей, выигранный в суровой схватке с каким-то опасным типом-одиночкой. Томасин оценила. Она догадалась, почему выбор мужчины пал именно на это оружие, а не на огнестрел. Звук выстрела распугал бы всю потенциальную добычу и привлек к ним мертвецов, околачивающихся поблизости. Стрелы неслышно рассекали воздух, но были не менее точны. Томасин взвесила приобретение, заключив, что для ее рук оно тяжеловато. И все же спросила:

— Я могу его взять?

— Да.

— А если я прикончу тебя и сбегу?

— Давай, — ничуть не испугавшись, подначил ее Малкольм, — докажи, что у тебя совсем нет мозгов.

Девушка проглотила обиду и желчные реплики, так и вертевшиеся на языке. Она решила, что куда продуктивнее будет потратить энергию на освоение нового навыка, а не на глупую ссору с тем, от кого зависят ее жизнь и благополучие. К тому моменту она немного обжила в лагере и оцени-

ла все его прелести — и регулярную еду, выдаваемую каждому члену общины по специальному списку, и отдельную, комфортную комнату, и горячую воду, доступ к которой стабильно предоставлялся три раза в неделю. Большую часть своей жизни девушка провела, как зверь. Наконец-то почувствовать себя человеком было приятно. Нет, она не хотела, чтобы ее вышвырнули за стену, обрекая на дальнейшее жалкое существование в одиночестве. Отец учил ее выживать — некоторая степень сговорчивости была адекватной платой за безопасность.

С тех пор Томасин начинала каждый свой день с упражнений и отжиманий, чтобы укрепить мышцы рук. Она держала арбалет все увереннее, и с каждой охоты они возвращались с добычей. Девушка испытывала нечто, сродни гордости. Она вносила свой вклад в общее дело, при том весьма ощутимый. Она заслужила свое место в общине и право пользоваться благами Цитадели. И ей было плевать, что о ней говорят. Почти.

Конечно, люди злословили о «любимице» лидера, но, как правило, у Томасин за спиной. Лишь дважды она услышала оскорбления в лицо, и если один случай быстро забыла, то второй оказался весьма примечательным и по-своему судьбоносным. Дело было в тюремной столовой, где трижды в день обитатели лагеря получали причитающиеся им пайки. Для удобства за ними приходили группами, в соответствии с родом занятий. Только там Томасин и пересекалась с дру-

гими охотниками, обычно она старалась забрать паек и побыстрее уйти. Но в этот раз на раздаче стоял новенький парень — молодой, темнокожий, с непривычки он терялся и путался в списке людей. Из-за его нерасторопности образовалась длинная очередь.

Томасин назвала свое имя, и бедняга окончательно пришел в замешательство. Он боялся, что выдаст порцию не тому и будет наказан. Он смотрел то в список, то на девушку, большими, чуть глуповатыми, карими глазами.

— Здесь как-то не так написано, — промямлил он, — Томас? Тома... Томасин А это... мужское имя? Подождите, пожалуйста, я пойду, спрошу... эм... у кого-нибудь... Если ошибка, надо поправить...

— Стой, идиот! — рявкнул угрюмый детина, стоявший за Томасин следующим, — Мы хотим жрать! Просто выдай шлюшке босса то, на что она насосала, и не еби мозги!

Томасин вжала голову в плечи, стараясь стать еще меньше, еще незаметнее, чем она есть. Она не хотела провоцировать обидчика дальше. Она боялась не совладать с собой и вмазать гаденышу, если он скажет еще какую-нибудь гадость.

— Ага, — встрял другой охотник, — не нарывайся на неприятности, сынок. Оставишь крошку голодной — и на следующей «волчьей гонке» тебе придется побегать!

Темнокожий парнишка испуганно приоткрыл рот, кивнул и торопливо всучил Томасин в руки паек. Она выскочила

на улицу в поисках укромного уголка, чтобы расправиться с едой без лишних свидетелей, а главное, без неприятных разговоров. Она так и не научилась есть по-человечески, по-прежнему уничтожая пищу с яростью дикого животного. Другие жители лагеря над ней потешались, одна миловидная девушка даже предлагала преподать новенькой пару уроков, но Томасин тут же сбежала от нее и ее навязчивого дружелюбия.

Она проглотила порцию, толком не прожевав, но почему-то не ощутила вкуса и удовлетворения. Обидные слова того мужлана все еще отдавались в ушах, а фраза про «вольчью гонку» не желала выходить из головы. Томасин уже не единожды слышала это словосочетание и просила Малкольма растолковать ей, о чем идет речь, но он лишь отмахнулся — вырастешь, узнаешь. Она подслушивала разговоры других членов общины и все равно ничего не выяснила. Некоторые говорили об этом с восторгом предвкушения, другие же с почти суеверным ужасом, что вызвало у Томасин полный диссонанс. Она не понимала — плоха ли эта «гонка» или хороша.

Она сидела на траве, с пустой упаковкой в руках, и наблюдала за облаками, летящими по небу, когда на нее легла чья-то тень. Девушка опустила голову и заметила того самого темнокожего парня из столовой.

— Извини, — смущенно протянул он.

— За что? — удивилась Томасин.

— Я не хотел поставить тебя в неловкое положение, — пояснил он. Для Томасин ничего не прояснилось. Она нахмурилась и прикрыла лицо ладонью, сложенной козырьком, чтобы солнце не слепило глаза.

— Чего?

— Ну... эм... — запинаясь, продолжал парень, — ты не переживай, они про всех говорят гадости. Я, если что, так не думаю.

— Как так? — уточнила девушка. Она вдруг поймала себя на том, что ее забавляет растерянность этого парня, и хотя она уже поняла, к чему он ведет, ей стало любопытно поглядеть, как он, это проговаривая, будет тушеваться. Отец считал, что такие нюни обречены на смерть в новом мире. Мальчишке повезло, что он прибил к лагерю Малкольма. За стеной он не продержался бы и суток. Причем убили бы его не мертвецы, а живые.

— Ну... что ты...

— Шлюшка? — подсказала Томасин. Она улыбнулась, сама не зная чему. Но каким-то образом ее положение — истинное положение и условная власть, которую она имела, будучи приближенной к главарю, заслуженно приближенной, делала ее сильнее против оскорблений и зависти окружающих. Она-то знала, каким способом в действительности заслужила свое место. Впервые Томасин смотрела на это с другой стороны: Малкольм не просто дал ей шанс, но и выделил ее, когда другие были лишь безликой массой. Он ходил на

охоту только с ней. У нее был арбалет — персональное оружие, отстегнутое с барского плеча. Малкольм, выходит, ее уважал. А «шлюшки»... да, их хватало. Томасин жила через стенку от своего покровителя, оттого имела представление о паломничестве девиц в его комнату. И она не замечала, чтобы усердие этих женщин приносило плоды, и они удостаивались каких-то исключительных почестей.

— Я слышал, что ты клево охотишься, — тем временем сказал темнокожий парень, — теперь у нас всегда есть мясо в меню, а то консервы ужасно надоели. Ты так попала в верхушку рейтинга? Твои успехи впечатляют! Может, и до «гонки» скоро допустят.

— Рейтинг? — заинтересовалась девушка, — О чем ты?

— Эм... — ее собеседник снова замялся, — Как? Ты не в курсе, не следишь за этим? Его вносят в таблицу каждую неделю за всякие заслуги перед Цитаделью. В главном корпусе можно посмотреть...

— О, — теперь была очередь Томасин испытывать неловкость, — я бы посмотрела, но... — продолжение далось ей с трудом, — я плохо умею читать.

Отец считал, что в новом мире такие навыки ей не понадобятся. В год, когда мир рухнул, она только готовилась пойти в школу. Тогда ей нравилось читать вывески и надписи на дорожных знаках, пока она каталась с отцом по стране, но это не тянуло на полноценные познания в грамоте. Она до сих пор могла, скорее по памяти, разобрать фразу «добро

пожаловать» или «парковка запрещена», но имела расплывчатое представление о значении некоторых букв и цифр.

— Как? — изумился парень, но тут же бодро сказал, — Я могу тебя научить! Я, кстати, Зак. Мы организовали кое-что вроде... кружка... ну для тех, кому не хватает образования. Приходи... как будет время.

— Я подумаю, — уклончиво ответила Томасин. Она решила рискнуть, раз уж парень сам шел на контакт и оказался таким разговорчивым. — Что такое эта «гонка»?

— О, я и сам толком не знаю, — вздохнул Зак, — но, вроде как, таким образом поощряют лучших из лучших. Наверное, это очень весело. Но я такой лузер... мне это не светит.

«Волчья гонка» так и оставалась для девушки тайной, окутанной мраком, но теперь у нее появился первый друг.

Глава третья.

Первые полгода в Цитадели пролетели незаметно. В жизни Томасин еще не было такой спокойной, безопасной и уютной зимы. В тюремных корпусах давно не работало отопление, но спать в постели, а не на холодной земле или тонкой лежанке, все равно было намного приятнее. Девушка еще помнила, как отморозила ногу и чуть не осталась калекой, оттого особенно ценила то, что имела здесь. Стены, отделившие ее от орд кровожадных тварей. Кров. Еду. Зимнюю одежду, выданную ей в хозяйственном корпусе, пусть большую и пропахшую сыростью склада. Кутаясь в огромную, тяжелую куртку, она бесстрашно бороздила заснеженный лес с арбалетом в руках, а потом гордо семенила за Малкольмом, взвалившим на плечо тушу очередного подстреленного зверя.

С приходом холодов они реже выбирались на охоту, потому Томасин завела привычку посещать образовательный «кружок» Зака, желая убить время. Благодаря этим занятиям, она немного освоилась с чтением и счетом, выучила названия исчезнувших городов и стран, пополнила и расширила свой словарный запас. Она уже не была такой дикаркой, как прежде, но все еще предпочитала соблюдать дистанцию и избегать чрезмерного сближения с другими людьми.

Ей вполне хватало тех двоих, кого она считала друзьями

— застенчивого, наивного Зака и, конечно, Малкольма. Томасин особенно гордилась своей «дружбой» с главарем лагеря, не обращая внимания на пересуды посторонних. Однажды ей захотелось поделиться подслушанной сплетней с Малкольмом, настолько она была фантастической и забавной, — мол, пригретую им девчонку воспитали не люди, а волки. Оттого она и вела себя, как животное, даже в постели, в первый раз наградив его приснопамятным шрамом. Эта тема по-прежнему беспокоила Томасин, вот она и решила, что очистит совесть, переведя старый конфликт в шутку. Зак заверял ее, что потешаться над серьезными вещами — нормальная форма взаимодействия между друзьями. Но Малкольм не оценил ее порыв. Он выслушал девушку, все больше хмурясь. И у него сделался такой взгляд, от которого Томасин всегда становилось не по себе, — холодный, жесткий и безжалостный. Ее внутренний зверь поднял голову, почувствовав опасность.

— Извини, — выдавила девушка, припомнив наставления Зака. Парень пытался хоть немного, но сгладить ее социальную неловкость и объяснить новой подруге значение некоторых человеческих ритуалов. Извиняться — один из них. Зак постоянно за что-то извинялся, даже тогда, когда, на взгляд Томасин, не было повода. Свою вину в истории со шрамом она признавала. Девушка пораскинула мозгами и добавила:

— Мне не стоило говорить про шрам. Я сожалею о том, что тогда это сделала.

Томасин похвалила себя за эти слова. Увы, без толку. Малкольм пропустил ее раскаяние мимо ушей и никак на него не отреагировал, его занимало что-то другое.

— Кто это сказал? — строго спросил он.

— Что?

— Кто сказал ту херню, что ты мне сейчас пересказала, — уточнил мужчина.

— Ну... я не знаю их имен, — принялась увиливать де-вушка. Рука мужчины, затянутая в кожаную перчатку, больно сжала ее подбородок, не позволяя отвернуться и отвести взгляд. Грубая ткань была холодной и чуть влажной от растаявших снежинок.

Ей повезло, что Малкольм отвлекся на какой-то шорох и выпустил ее, настороженно оглядывая зимний лес. Они были одни, окруженные утопающими в белизне снега черными стволами. И Томасин стало тревожно — впервые в лесу, где она чувствовала себя комфортнее, чем среди людей, в чуждой ей стихии. Она прекрасно знала, что у ее спутника пистолет в кобуре, который он выхватит до того, как она поднимет арбалет или применит свой нож.

— Ты сделала все правильно, — заговорил Малкольм, и его тон был таким пустым, будто скучающим, — молодец, что рассказала. Ты отлично умеешь слушать. Так слушай, о чем они там треплются, и докладывай мне. Любая такая мелочь... — он поморщился, — незначительная, на первый взгляд, важна. Это подрывает мой авторитет. Так чье это

творчество?

— Я не понимаю, — честно призналась Томасин. Она пыталась разобраться с человеческими взаимоотношениями, но ничего не смыслила в том, что касалось управления лагерем, да и не забивала себе голову. Ее вклад здесь — в лесу, где она была хозяйкой положения, где все было предельно просто и подчинялось совсем другим правилам. Элементарным. Она в упор не видела никакой связи между нелепыми слухами и «авторитетом» Малкольма. Ее, по правде, забавляли подобные домыслы, особенно после того, как она убедилась в том, что этот человек по-своему благороден и не требует с нее того, чего она не сможет дать. Временами это почти огорчало. Томасин ворочалась без сна, прижимала ухо к толстой стене и пыталась представить, что творится в соседней комнате, когда к Малкольму приходит очередная девушка. Но где она, нескладная девчонка с арбалетом, а где эти лагерные красотки?

— Общество — это механизм, — туманно пояснил мужчина, — одна поломанная деталь — и вся система выйдет из строя. Это долгий процесс, нужно отследить его в тот момент, когда все еще можно отладить. Ты — одна из шестеренок. Я уверен в тебе, но есть другие, кто... кто требует особого внимания.

Томасин стала слишком зависимой от похвалы, которую незамедлительно углядела в его словах, оттого и уступила. Ей нравилось быть незаменимой, нужной, какой-то там важ-

ной шестеренкой, на которой стоит огромная машина Цитадели. Невозможно было устоять.

— Ладно, — сдалась она, — это та женщина, что в прошлом месяце у тебя ночевала. Но она же не хотела ничего плохого! — спешно добавила Томасин, — Просто пошутила...

— Пошутила, — повторил Малкольм, — ага.

До конца охоты он был мрачен и неразговорчив. Девушка все сомневалась, правильно ли поступила, остро ощущая пропасть, пролегшую между ними. Прежде они постоянно обменивались какими-то репликами, колкостями или невинно задирали друг друга. Зак убеждал Томасин, что это нормальная практика для друзей. Она так и не осмелилась спросить, в чем причина отчужденности Малкольма — в ее повинности или его беспокойстве о каких-то неведомых ей вещах.

Через какое-то время пропала та женщина, болтавшая про волков. Томасин проверила список и насторожилась еще больше, не отыскав ее имени. Никто не знал, что случилось с той несчастной, как и с другими, чьи имена просто вычеркнули из лагерных документов.

Томасин постепенно забыла ту историю. Весной вылазки в лес участились, и девушкой всецело завладел детский восторг от воссоединения с привычной средой обитания. Она жадно вдыхала запахи цветения и молодой листвы, растира-

ла в пальцах липкие почки, чувствуя, как тяжелый узел в груди, стянувшийся за зиму, постепенно начинает ослабевать.

С началом лета в лагере все заговорили о грядущей «гонке». В административном корпусе наблюдалось заметное оживление — обитатели тюрьмы стягивались туда, чтобы проверить свой рейтинг и строить предположения о том, кто удостоится чести принять участие в предстоящем мероприятии. Томасин наблюдала за ними с завистью и затаенной злостью, ведь, несмотря на ее успехи и отличное положение, Малкольм сразу пресек разговоры о ее причастности к общему празднику. Она слишком мала. «Волчья гонка» — дело увлекательное, но слишком опасное и не предназначенное для тщедушной, пусть и ловкой, девчонки. К тому же Томасин не умела водить, а, как она выяснила, событие проводилось далеко от убежища, и добираться туда предстояло на колесах. Цитадель располагал рабочим транспортом и запасом слитого топлива, но не использовал эти ресурсы без острой нужды. Исключение делалось только для особого случая.

Наконец, был утвержден список участников — самых лучших, исправно выслужившихся жителей лагеря. Как ни странно, в их число затесался и один охотник, недавно скатившийся на самую низшую позицию рейтинга за серьезную провинность. Во время вылазки он струсил при виде стаи мертвецов и бросил им на растерзание товарища. Томасин была уверена, что, по возвращению, его накажут, и страшно удивилась, когда он еще и получил привилегию, которой

удостаивался не каждый. Скорее всего, решила она, это какие-то хитрые уловки Малкольма, непонятные ей, далекой от всяких политических и организационных дел. Возможно, охотника решили поощрить, чтобы вдохновить стать усерднее в будущем.

Для остальных было организовано что-то вроде вечеринки — Зак назвал это так. Ежедневную порцию увеличили, достали запасы алкоголя, в тюремном дворе накрыли столы и даже пожертвовали топливом в генераторе для подключения стереосистемы. Томасин была по-настоящему впечатлена, услышав звуки музыки. Музыка была чем-то из далекого прошлого, когда они с отцом на его фуре колесили по стране, неустанно слушая радио. Со временем воспоминания выцвели — девушка не помнила ничего конкретного, кроме того, что ей всегда нравилось слушать музыку и дремать, глядя, как за окном сменяются леса, поля и пустыни.

Она немного посидела со всеми с краю одного из столов, слушая музыку и наслаждаясь пиршеством, но быстро заснула. От виски, что ей плеснули в пластиковый стаканчик, у Томасин с непривычки разболелась голова, и она торопилась вернуться в свою комнату. Она чувствовала себя неуютно среди большого скопления людей и вздрагивала от громких звуков, голосов и смеха. Пусть тюрьма и была обнесена высоким забором, в любой момент могли нагрянуть мертвецы, привлеченные оживлением праздника. Томасин вообще сомневалась в том, что это событие было хорошей идеей, хо-

тя ей и хотелось положиться на Малкольма, который точно знает, что делает. Люди... уставали от бесконечной рутины, они нуждались в настоящем веселье, пусть и раз в год.

Томасин заперлась в комнате, чтобы посидеть над учебником, одолженным в скудной библиотеке образовательного кружка. Девушка читала неуверенно, с запинками, но прикладывала массу усилий, оттачивая навык. Ей хотелось восполнить пробелы в общем образовании, ведь над ней смеялись не только из-за ужасных манер, сплетен и небылиц. Она не знала элементарных вещей, терялась, слушая чужие разговоры, а втягиваясь в беседу сама, постоянно переспрашивала о значении слов, которые для других были очевидны. Лес остался за стеной, и Томасин не могла спрятаться в нем от этих трудностей. Она признала, что для выживания среди людей ей понадобятся и другие умения, которыми ее не потрудились снабдить отец.

Она заснула над книгой и провалялась в постели до самого вечера, пропустив обед и ужин. За окном стемнело — музыка стихла, как и голоса во дворе. Ночью во дворе тюрьмы было безлюдно — обитатели общины разбредались по корпусам, кроме тех, кто заступал на ночное дежурство по охране стены. Томасин сходила в столовую, справиться о позднем ужине, но двери уже оказались закрыты. Проклиная себя за безалаберность, она вернулась в комнату голодной. Урчащий желудок мешал уснуть.

Она сидела над учебником до самого утра, пока не услы-

шала шум снаружи. Лязг ворот, шорох шин и гул автомобильных двигателей растерзали предрассветную тишину и вселили в девушку тревожное ожидание беды. Томасин забралась на стол, чтобы выглянуть в окно, и увидела лишь размытые фигуры, движущиеся по двору в сером утреннем сумраке.

«Волчья охота» закончилась. Но что же там было? И все ли вернулись?

Томасин решила, что раз уж она все равно не спит, то может утолить свое любопытство. Она накинула теплую кофту и тихонько приоткрыла дверь, выбираясь в длинный коридор с бесконечным рядом камер-комнат. Утопленный во тьме, без аварийной подсветки, он был жутким и неудобным, страшнее, чем любая лесная чаща.

По металлическому полу гулко раздавались шаги. Томасин инстинктивно вжалась в стену, баюкая в руках свой любимый отцовский нож. Она напрягла все органы чувств, оценивая обстановку, пытаясь понять, — угрожает ли ей опасность, или она позволила ускользающим ночным теням беспричинно нагнать на себя страху. Мертвецы... ведь ходят иначе — шаркая, подволакивая непослушные конечности, а тот, кто приближался к ней по лестнице, ступал иначе — мерно и четко.

— Почему не спишь?

Томасин облегченно выдохнула. Малкольм. Он вернулся с этой их странной увеселительной прогулки, что хорошо само

по себе, ведь за стеной мир, полный опасностей, и любая вылазка туда могла закончиться трагически. Девушка искренне обрадовалась его появлению. Она не готова была признать, но, по правде, она беспокоилась — потому и убивала время за чтением, не способная сомкнуть глаз, и не могла найти себе места. Участники «Гонки» отсутствовали почти сутки. Они покинули лагерь утром прошлого дня.

— Я просто... — начала она, но запнулась, стоило ей отодрать взгляд от пола. В этот раз ее вниманием завладел вовсе не шрам, начерченный ее рукой, а бейсбольная бита, которую Малкольм держал заброшенной на плечо, как после удачного матча. Бейсбольная бита, плотным рядом обмотанная колючей проволокой. С нее капала кровь. Она стекала по кожаной куртке мужчины и собиралась в лужицу у его армейских ботинок.

Вопрос «чья это кровь» утратил всяческий смысл в изменившемся мире. Чья-то. Смерть ходила кругами вокруг немногочисленных уцелевших и стала частью их каждодневной рутины.

— Как все прошло? — вместо этого спросила Томасин, поразившись тому, как буднично звучит ее голос. Кровь и кровь. Жуткая бита в шипах, как розовый стебель. Совершенно ошалевший, безумный вид человека, прежде производившего на нее впечатление здравомыслящего и адекватного. Три вещи, которые она предпочла бы не замечать, но заметила, будучи чуткой к деталям. Звуки. Запахи... Пахло

смертью, порохом и алкоголем.

— Отлично, — бросил Малкольм и скрылся за дверью своей комнаты.

Наутро Томасин узнала, что с «Волчьей гонки» вернулись с богатой добычей и кучей трофеев, да только не всем составом. Кто-то вычеркнул имя охотника, погубившего товарища, из общего списка.

Глава третья.

Первые полгода в Цитадели пролетели незаметно. В жизни Томасин еще не было такой спокойной, безопасной и уютной зимы. В тюремных корпусах давно не работало отопление, но спать в постели, а не на холодной земле или тонкой лежанке, все равно было намного приятнее. Девушка еще помнила, как отморозила ногу и чуть не осталась калекой, оттого особенно ценила то, что имела здесь. Стены, отделившие ее от орд кровожадных тварей. Кров. Еду. Зимнюю одежду, выданную ей в хозяйственном корпусе, пусть большую и пропахшую сыростью склада. Кутаясь в огромную, тяжелую куртку, она бесстрашно бороздила заснеженный лес с арбалетом в руках, а потом гордо семенила за Малкольмом, взвалившим на плечо тушу очередного подстреленного зверя.

С приходом холодов они реже выбирались на охоту, потому Томасин завела привычку посещать образовательный «кружок» Зака, желая убить время. Благодаря этим занятиям, она немного освоилась с чтением и счетом, выучила названия исчезнувших городов и стран, пополнила и расширила свой словарный запас. Она уже не была такой дикаркой, как прежде, но все еще предпочитала соблюдать дистанцию и избегать чрезмерного сближения с другими людьми.

Ей вполне хватало тех двоих, кого она считала друзьями

— застенчивого, наивного Зака и, конечно, Малкольма. Томасин особенно гордилась своей «дружбой» с главарем лагеря, не обращая внимания на пересуды посторонних. Однажды ей захотелось поделиться подслушанной сплетней с Малкольмом, настолько она была фантастической и забавной, — мол, пригретую им девчонку воспитали не люди, а волки. Оттого она и вела себя, как животное, даже в постели, в первый раз наградив его приснопамятным шрамом. Эта тема по-прежнему беспокоила Томасин, вот она и решила, что очистит совесть, переведя старый конфликт в шутку. Зак заверял ее, что потешаться над серьезными вещами — нормальная форма взаимодействия между друзьями. Но Малкольм не оценил ее порыв. Он выслушал девушку, все больше хмурясь. И у него сделался такой взгляд, от которого Томасин всегда становилось не по себе, — холодный, жесткий и безжалостный. Ее внутренний зверь поднял голову, почувствовав опасность.

— Извини, — выдавила девушка, припомнив наставления Зака. Парень пытался хоть немного, но сгладить ее социальную неловкость и объяснить новой подруге значение некоторых человеческих ритуалов. Извиняться — один из них. Зак постоянно за что-то извинялся, даже тогда, когда, на взгляд Томасин, не было повода. Свою вину в истории со шрамом она признавала. Девушка пораскинула мозгами и добавила:

— Мне не стоило говорить про шрам. Я сожалею о том, что тогда это сделала.

Томасин похвалила себя за эти слова. Увы, без толку. Малкольм пропустил ее раскаяние мимо ушей и никак на него не отреагировал, его занимало что-то другое.

— Кто это сказал? — строго спросил он.

— Что?

— Кто сказал ту херню, что ты мне сейчас пересказала, — уточнил мужчина.

— Ну... я не знаю их имен, — принялась увиливать де-вушка. Рука мужчины, затянутая в кожаную перчатку, больно сжала ее подбородок, не позволяя отвернуться и отвести взгляд. Грубая ткань была холодной и чуть влажной от растаявших снежинок.

Ей повезло, что Малкольм отвлекся на какой-то шорох и выпустил ее, настороженно оглядывая зимний лес. Они были одни, окруженные утопающими в белизне снега черными стволами. И Томасин стало тревожно — впервые в лесу, где она чувствовала себя комфортнее, чем среди людей, в чуждой ей стихии. Она прекрасно знала, что у ее спутника пистолет в кобуре, который он выхватит до того, как она поднимет арбалет или применит свой нож.

— Ты сделала все правильно, — заговорил Малкольм, и его тон был таким пустым, будто скучающим, — молодец, что рассказала. Ты отлично умеешь слушать. Так слушай, о чем они там треплются, и докладывай мне. Любая такая мелочь... — он поморщился, — незначительная, на первый взгляд, важна. Это подрывает мой авторитет. Так чье это

творчество?

— Я не понимаю, — честно призналась Томасин. Она пыталась разобраться с человеческими взаимоотношениями, но ничего не смыслила в том, что касалось управления лагерем, да и не забивала себе голову. Ее вклад здесь — в лесу, где она была хозяйкой положения, где все было предельно просто и подчинялось совсем другим правилам. Элементарным. Она в упор не видела никакой связи между нелепыми слухами и «авторитетом» Малкольма. Ее, по правде, забавляли подобные домыслы, особенно после того, как она убедилась в том, что этот человек по-своему благороден и не требует с нее того, чего она не сможет дать. Временами это почти огорчало. Томасин ворочалась без сна, прижимала ухо к толстой стене и пыталась представить, что творится в соседней комнате, когда к Малкольму приходит очередная девица. Но где она, нескладная девчонка с арбалетом, а где эти лагерные красотки?

— Общество — это механизм, — туманно пояснил мужчина, — одна поломанная деталь — и вся система выйдет из строя. Это долгий процесс, нужно отследить его в тот момент, когда все еще можно отладить. Ты — одна из шестеренок. Я уверен в тебе, но есть другие, кто... кто требует особого внимания.

Томасин стала слишком зависимой от похвалы, которую незамедлительно углядела в его словах, оттого и уступила. Ей нравилось быть незаменимой, нужной, какой-то там важ-

ной шестеренкой, на которой стоит огромная машина Цитадели. Невозможно было устоять.

— Ладно, — сдалась она, — это та женщина, что в прошлом месяце у тебя ночевала. Но она же не хотела ничего плохого! — спешно добавила Томасин, — Просто пошутила...

— Пошутила, — повторил Малкольм, — ага.

До конца охоты он был мрачен и неразговорчив. Девушка все сомневалась, правильно ли поступила, остро ощущая пропасть, пролегшую между ними. Прежде они постоянно обменивались какими-то репликами, колкостями или невинно задирали друг друга. Зак убеждал Томасин, что это нормальная практика для друзей. Она так и не осмелилась спросить, в чем причина отчужденности Малкольма — в ее повинности или его беспокойстве о каких-то неведомых ей вещах.

Через какое-то время пропала та женщина, болтавшая про волков. Томасин проверила список и насторожилась еще больше, не отыскав ее имени. Никто не знал, что случилось с той несчастной, как и с другими, чьи имена просто вычеркнули из лагерных документов.

Томасин постепенно забыла ту историю. Весной вылазки в лес участились, и девушкой всецело завладел детский восторг от воссоединения с привычной средой обитания. Она жадно вдыхала запахи цветения и молодой листвы, растира-

ла в пальцах липкие почки, чувствуя, как тяжелый узел в груди, стянувшийся за зиму, постепенно начинает ослабевать.

С началом лета в лагере все заговорили о грядущей «гонке». В административном корпусе наблюдалось заметное оживление — обитатели тюрьмы стягивались туда, чтобы проверить свой рейтинг и строить предположения о том, кто удостоится чести принять участие в предстоящем мероприятии. Томасин наблюдала за ними с завистью и затаенной злостью, ведь, несмотря на ее успехи и отличное положение, Малкольм сразу пресек разговоры о ее причастности к общему празднику. Она слишком мала. «Волчья гонка» — дело увлекательное, но слишком опасное и не предназначенное для тщедушной, пусть и ловкой, девчонки. К тому же Томасин не умела водить, а, как она выяснила, событие проводилось далеко от убежища, и добираться туда предстояло на колесах. Цитадель располагал рабочим транспортом и запасом слитого топлива, но не использовал эти ресурсы без острой нужды. Исключение делалось только для особого случая.

Наконец, был утвержден список участников — самых лучших, исправно выслужившихся жителей лагеря. Как ни странно, в их число затесался и один охотник, недавно скатившийся на самую низшую позицию рейтинга за серьезную провинность. Во время вылазки он струсил при виде стаи мертвецов и бросил им на растерзанье товарища. Томасин была уверена, что, по возвращению, его накажут, и страшно удивилась, когда он еще и получил привилегию, которой

удостаивался не каждый. Скорее всего, решила она, это какие-то хитрые уловки Малкольма, непонятные ей, далекой от всяких политических и организационных дел. Возможно, охотника решили поощрить, чтобы вдохновить стать усерднее в будущем.

Для остальных было организовано что-то вроде вечеринки — Зак назвал это так. Ежедневную порцию увеличили, достали запасы алкоголя, в тюремном дворе накрыли столы и даже пожертвовали топливом в генераторе для подключения стереосистемы. Томасин была по-настоящему впечатлена, услышав звуки музыки. Музыка была чем-то из далекого прошлого, когда они с отцом на его фуре колесили по стране, неустанно слушая радио. Со временем воспоминания выцвели — девушка не помнила ничего конкретного, кроме того, что ей всегда нравилось слушать музыку и дремать, глядя, как за окном сменяются леса, поля и пустыни.

Она немного посидела со всеми с краю одного из столов, слушая музыку и наслаждаясь пиршеством, но быстро заснула. От виски, что ей плеснули в пластиковый стаканчик, у Томасин с непривычки разболелась голова, и она торопилась вернуться в свою комнату. Она чувствовала себя неуютно среди большого скопления людей и вздрагивала от громких звуков, голосов и смеха. Пусть тюрьма и была обнесена высоким забором, в любой момент могли нагрянуть мертвецы, привлеченные оживлением праздника. Томасин вообще сомневалась в том, что это событие было хорошей идеей, хо-

тя ей и хотелось положиться на Малкольма, который точно знает, что делает. Люди... уставали от бесконечной рутины, они нуждались в настоящем веселье, пусть и раз в год.

Томасин заперлась в комнате, чтобы посидеть над учебником, одолженным в скудной библиотеке образовательного кружка. Девушка читала неуверенно, с запинками, но прикладывала массу усилий, оттачивая навык. Ей хотелось восполнить пробелы в общем образовании, ведь над ней смеялись не только из-за ужасных манер, сплетен и небылиц. Она не знала элементарных вещей, терялась, слушая чужие разговоры, а втягиваясь в беседу сама, постоянно переспрашивала о значении слов, которые для других были очевидны. Лес остался за стеной, и Томасин не могла спрятаться в нем от этих трудностей. Она признала, что для выживания среди людей ей понадобятся и другие умения, которыми ее не потрудились снабдить отец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.